

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ • ИЗБРАННОЕ

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ • ИЗБРАННОЕ

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ • ИЗБРАННОЕ

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ • ИЗБРАННОЕ

B. Pangkajene

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ

ИЗБРАННОЕ

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'В. Радкевич', with a large, sweeping flourish underneath.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 1977

P2
P15

© Пермское книжное издательство. 1977.

P $\frac{70402-12}{M152(03)-77}$ 26—77

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

О Владимире Радкевиче

Как-то осенью я вернулся из деревни. Машина была забита скопившимися там за лето вещами.

На скамейке у дома сидел недавно вышедший из больницы Владимир Радкевич, постаревший за последнее время, непривычно притихший.

Едва увидев меня и торопливо поздоровавшись, он сразу ухватился за чемодан и тяжелый рюкзак, не слушая моих возражений, двинулся к двери в подъезд.

Владимир нелегко, с остановками поднялся на третий этаж, зашел в квартиру и тут же ушел. Когда я спускался обратно, он выглянул из своей квартиры на втором этаже и почти виноватым голосом сказал:

— Извини, больше не могу... нога вот болит...

Мелкий вроде бы случай, но именно с него мне захотелось начать предисловие к юбилейной книге поэта Владимира Радкевича (в апреле 1977 года ему исполняется пятьдесят лет). Вот такой он всегда: сначала спешит помочь в любом деле, в любой ситуации, а лишь затем становится ясно, чего ему эта помощь стоила. Сначала — помочь!

Только услышит, что кто-то в чем-то нуждается, и сразу, без промедления, бросается предлагать услуги, иногда и не очень близкому человеку.

В конечном итоге неизбывная доброта и помогла ему стать далеко не заурядным поэтом. Его творчество — от первых до недавно написанных стихов — это сотворение добра людям, отдавание самого себя на беспощадный суд совести. Он готов впустить в сердце неисчислимое количество чужого горя, а о собственных бедах рассказывает только затем, чтобы предостеречь и утешить других.

Поэзия Радкевича светла и сурова, нежна и строга. И все-таки главное ее достоинство — добро-

та, сердечность, отзывчивость. Он может быть гневен, но никогда не бывает злобен. А жестоким он бывает только к себе.

Лирик самой чистой пробы, Радкевич, когда случается необходимость, становится откровенно публицистичен, тогда его сердечная взволнованность естественно перерастает в гражданственность, а личные заботы возвышаются до уровня общественных.

Меня всегда поражало природное умение Радкевича привносить сердечность даже в праздничные газетные стихи. Уж как только не потешались фельетонисты и пародисты по поводу так называемых дежурных произведений для газет! Но я со всей ответственностью утверждаю, что ни в одной строчке Радкевича — от напечатанных на первой полосе, от реклам для «Союзпечати» до самых сокровенных стихов — не найти и запаха равнодушия, ремесленничества.

Он просто не может себе позволить, да и не умеет писать без души. Скорее всего, и сам того не сознавая, практически он стремится, чтобы любая строка стала фактом настоящей поэзии. Об этом ведь мечтал и Маяковский, когда работал над плакатами и рекламой.

Бывали у Радкевича случаи, когда написанный им для какого-нибудь юбилея адрес оказывался

отличным стихотворением, которому находилось достойное место и в книге.

Поэзия — его работа, и в ней он признанный мастер. Трудящийся в литературе вот уже около тридцати лет, Радкевич не утратил юношески трепетного отношения к ней, способности удивляться ее тайнам и возможностям.

Свои новые стихи Радкевич может читать десять, а то и больше раз подряд. И это не от самолюбленности (ею он переболел своевременно и довольно быстро), это от обыкновенной рабочей радости — получилось!

Как человек пишущий, он отличается редкой скромностью. Я мало встречал, кроме него, профессиональных литераторов, которые были бы так неторопливы с опубликованием своих произведений. Мне известны случаи, когда редакции подолгу упрашивали Радкевича прислать новые стихи. А он до бесконечности читал их друзьям, на встречах с читателями, как бы проверяя каждое слово на прочность.

Хриплым голосом отчеканивал поэт единственно точные и сильные строки, добытые в труде, за который расплачиваются только судьбой.

Мне эта черта — бескорыстие творческого характера — необыкновенно симпатична: известно, что

пробивная сила автора обратно пропорциональна талантливости. За неторопливостью Радкевича явно видится насторожайшее, целомудренное отношение к поэзии, которое с годами у него не затухает, а обостряется.

Вот и нет ничего удивительного в том, что творческая зрелость поэта согрета все той же юношеской трепетностью, какой отличались стихи его в молодости.

Мудрость доброго сердца... Радкевич написал стихи о любви: «Зачем же так непоправимо сжигать себя в твоём огне? А ты опять проходишь мимо. Ты — вне меня. Но ты — во мне!» И заканчиваются: «И целый мир с собой уносишь, когда уходишь от меня». Я прочитал это в «Вечерней Перми», и так радостно стало за товарища. Все-таки пятьдесят лет скоро и здоровье всюду лукавит, а ведь какие умные, грустные и добрые стихи! Даже не зная автора, можно понять, что написал их зрелый поэт, много переживший человек.

Он верен слову и верит слову. Только потому оно и подвластно ему. Только потому рождаются стихи, легко западающие в любую отзывчивую душу.

Именно поэтому Радкевич никогда и не нуждался ни в каких «поисках», все поэтические «моды»

далеко обходили его. Если он и искал, то лишь самого себя, свой слог, свой образный мир.

В трудной жизни своей (она только верхоглядом и недоброжелателям кажется приятенькой во всех отношениях) Радкевич знал и шумные успехи, и отнимающую силы, внушающую неуверенность хулу, и подчеркнутое безразличие, даже отрицание. Довелось слышать ему и самое подленькое: исписался, дескать. Всякое бывало. Поэзия требовала от него многого, и он отдавал ей все, на что был способен. Они, поэт и поэзия, не щадили друг друга и щадить не собираются. Читатели же часто забывают тот непреложный факт, что поэты — живые люди со всеми человеческими слабостями, но забот у них несравненно больше, ибо они обладают обостренным, иногда до болезненности, восприятием жизни. Иначе стихов не напишешь.

Порой за самыми светлыми стихами стоят годы изнурительной работы, еще более изнурительного безделья (не пишется!), полосы неудач.

Если бы качество произведений зависело только от количества вложенного в них труда! Ах, сколько бы стало замечательных писателей! Но, увы, никто не гарантирован в литературе от неудач. Были они и у Радкевича. Иные он осознал быстро, об иных не хочет даже и подозревать до сих пор.

Потому что он упрям и в своей правоте, и в своих заблуждениях. Уж если Радкевич упрется, переубедить его невозможно.

И всегда ли — надо?

Вот он очень любит наш уральский край, никогда не упустит случая подчеркнуть: «Я — с Урала», много пишет об этом. Например, лучшие стихи о Каме принадлежат, по-моему, Радкевичу. И все же его «краеведческие» произведения (не считая отдельных стихов на исторические и революционные темы) не самые сильные. Но сколько бы его ни упрекали в этакой местной, что ли, ограниченности, поэт продолжал стоять на своем — воспевал уральский край. И лишь недавно я понял: пусть Радкевич сейчас не всегда прав, прав он будет потом, прав будет обязательно. Конечно же напишет он замечательные стихи о любимом Урале. Ибо, чтобы выразить большую любовь и чтобы стихи долго жили, требуется большой труд и время.

Время... До чего же быстро летит оно! Мог ли я тридцать лет назад, с удовольствием распевая любимую тогда в университете песню «Ива» (мелодия будущего геолога Володи Балалаева), предполагать, что когда-нибудь накануне своего пятидесятилетия буду писать предисловие к юбилейному сборнику известного уральского поэта?

Летит, летит время... Мысль банальная, но банальность не освобождает ее от жестокости. В суматохе дней, хотя два в неделю из них выходные, не всяк горазд ощущать, что из мелькающих суток складываются годы и, в конечном счете, жизнь.

Может, поэтому она и проходит так быстро, что состоит из бесконечно малых величин — дней?

Но поэтическая жизнь длиннее и насыщеннее физического существования. Поэт живет как бы дважды. Один раз — обычно, как все, второй — в созданных им стихах. Причем эта, вторая, жизнь куда напряженнее и опаснее первой. Писание иных стихов чем-то схоже с операцией на собственном сердце, только без наркоза.

Вчитайтесь у Радкевича в «Стихи о семейной жизни», в которых за каждым словом — еще не зарубцевавшаяся рана, в строки, не перешедшие в крик лишь потому, что написаны словно сквозь стиснутые зубы. Боже упаси, как говорится, принять эти стихи за сугубо личные. Настоящий поэт никогда не напишет о том, что волнует его одного. Такого казуса с ним просто быть не может. И надо иметь большую силу духа, неисчерпаемый запас мужества, чтобы желать и уметь своей бедой предупредить других, многих.

Здесь нет никаких полутонов, стихи не рассчитаны на то, чтобы их произносили «на ушко», иначе бы их стали распевать на манер «жесточких» романсов. Но такие не запоешь, над ними надолго и горько задумаешься и узнаешь: если о подобном можно поведать откровенно и вслух, значит, поэт не жалуется, а утверждает, что если он вынес горе, то и все могут. От стремления понять и принять человеческие боли и помочь людям преодолеть их трудно живут хорошие поэты.

А сколько раз вздрогнет сердце, когда читаешь и перечитываешь «Студентов 41-го года», «Россию», «Исход», «Балладу о родном доме», «Для сына я — сильнее всех на свете» и многие другие!

Какие сложные и драматические судьбы оживают в стихах «Трактористка», «В утренней электричке», «Орехи», «В клубе сегодня танцы».

Самые суровые стихи Радкевича не содержат ни грама безысходности или уныния: по природе своей он жизнелюб, как многие уральцы — от Василия Каменского до Бориса Ручьева (который очень любил стихи Радкевича и собирался об этом написать). Нет, нет, жизнелюбие не от убежденности, что бытие наше — приятная и легкая штука, а от счастья «быть живым, живым и только живым и только до конца» (Б. Пастернак).

Пятьдесят лет — возраст, когда с почти математической точностью можно определить, какие произведения выдержали испытание временем. У Радкевича их — много.

Наверное, никому не объяснить, почему тот или иной человек становится писателем, художником, композитором. Иногда встречаются внешне правдоподобные ответы, но на поверку они оказываются лишь удачными совпадениями, которые легко укладываются в заранее придуманную схему. Даже когда утверждают, что вот этот стал композитором потому, что родился в музыкальной семье, то и сие — недостаточное объяснение. Не все композиторы родились в музыкальных семьях и не все, в них родившиеся, стали композиторами. Недаром по отношению к таланту пользуются таким расплывчатым определением, как «искра божья».

Можно, правда, обнаружить, что же питает талант, помогает ему вызреть. Коротко говоря, сама жизнь, все ее обстоятельства. Они-то и способствуют формированию личности и основы ее — характера. Иногда несколько часов жизни влияют на этот процесс сильнее, чем целые годы. Посему внешние факты биографии часто мало что объясняют.

Хотя Владимир Радкевич весь пермский, уральский, родился он на Смоленщине. Родители были

учителями. Потом семья переехала в Ржев. Здесь Володя пошел в школу, а в начале войны оказался с матерью в Башкирии. После окончания средней школы он поступил на историко-филологический факультет Пермского университета. Учился он хорошо, был именованным стипендиатом, много занимался спортом (волейбол и шахматы), еще больше времени отдавал стихам. Они быстро разносились среди студентов и даже проникали в город. Нам, конечно, больше всего нравились эпиграммы на преподавателей (кстати, одна из них жива до сих пор).

Работал он после окончания университета инспектором областного отдела культуры, корреспондентом радио, заведующим клубом, литсотрудником в многотиражке «Лесник Прикамья» и областной комсомольской газете «Молодая гвардия». Первая книга вышла в 1951 году в Перми.

Стихи Радкевича нравились многим, но не на всех он производил впечатление серьезного человека, и скорее всего потому, что и не пытался им выглядеть. Однажды его житейские огрехи были даже суммированы в газетной статье, где высказывалась неуверенность в будущем молодого поэта. Не стоило бы об этом вспоминать, тем более в данном — юбилейном случае, но надо.

Речь идет не о требовании всепрощения творческому человеку, а о поверхностном, искаженном взгляде на труд поэта. В самом деле, кто знает, какой ценой дается создание произведения?

Недаром как-то у Радкевича вырвалось: «В наш век чернить поэзию не смейте, она во всем пред будущим чиста, она с людьми — в бесславье и в бессмертье, и в этом цель ее и правота».

Зная его много лет, я давно уразумел несоответствие между внешней стороной жизни поэта и внутренней. Внешне все просто, все понятно, он словно нарочно — гусей подразнить — дает поводы для толков и кривотолков, а внутри рождаются стихи, которые с каждым годом становятся всё чеканнее, умнее, всё больше волнуют. Вот почему — подойдешь к книжным полкам, подумаешь, подумаешь, и рука произвольно тянется к стихам Радкевича. Никто ведь не заставлял меня учить их наизусть, а — помнятся, живут уже не только в поэте, но и во мне, читателе.

Выше я говорил, что не определить, почему человек становится поэтом. Но можно иногда проследить, откуда приходят те или иные стихи.

Году в 1964-м он писал: «И все-таки мы в смерть родных не верим...» (Удивительные стихи!)

Через два года рука его вывела стихи, уже тогда прозвучавшие как предчувствие: «Ты подожди меня, мама родная, ты не гаси своего огонька».

Отчетливо помню, как что-то изменилось в Радкевиче после января 1967 года, когда умерла его мама. Сердце сына отозвалось щемящим острой болью признанием: «...без мамы я жить не умею...», кажущаяся простота которого и правда могут надолго лишить покоя. И сколько же надо пережить, чтобы написать: «Как страшно ветра голосили на проводах белого дня! Как будто частица России навеки ушла от меня».

Стихи естественны и как бы произвольны, словно дыхание. И это присутствует во всех лучших произведениях Радкевича. А ведь сколь долго зрели в поэте тема матери и тема Родины, чтобы слиться воедино.

Впереди у поэта Владимира Радкевича новые трудности, может быть, посерьезнее предыдущих, но и новые радости, тоже, может быть, посильнее прежних. Проще говоря, впереди — труд.

Я старался как можно меньше цитировать поэта. Стихи его перед вами. Читайте.

Л. Давыдычев

●

Молодость сочтя за преимущество,
Только ей, как божеству, кадим.
Надобно особенное мужество,
Чтоб не оставаться молодым.
Солнце светит
 даже и за облаком.
Есть исток и устье у реки.
И цветок,
 чтоб стать под осень яблоком,
По ветру бросает лепестки.

1970

РОССИЯ

Как ты была добра ко мне, Россия,
Когда для сына долгие века
Струила реки, и леса растила,
И над землей кружила облака.

И чудо, и с хитринкою причудца
В твоей судьбе
ясны мне потому,
Что было мне родиться, как проснуться
В твоём, навек единственном дому.

И все ночные страхи, огорченья
Сгорают неприметно и дотла
При свете зорь твоих —
от излученья
Радушия, спокойствия, тепла.

А в трудный час,
когда мне очень больно,
Когда я сам не знаю — жив не жив,

**Листвой ты что-то шепчешь сердобольно,
Землицу к свежей ране приложив.**

Сестреночки —

**березки да осинки
Качают солнце в люльке из ветвей.
И тихо прикасаются травинки
К щеке,
как пальцы матери моей.**

1972

Хоть вы-то

счастья у себя добились?

Меня звезда, как родина, зовет.

Я должен долго-долго жить на свете,

Чтобы узнать не то,

кто там живет,

А как живут...

Вот мне на что ответьте!

1964

ИСХОД

Н. Вагнеру

**От злого глаза, от чужой отравы,
От равнодушья к другу и врагу
Меня спасут языческие травы
На камском древнерусском берегу.**

**Затмит мои ошибки и промашки,
Кромешное семейное житье
Негромкий запах беленькой ромашки —
Лекарство предпоследнее мое.**

**Сиянье неба под безлюдным полем —
Такая голубая глубина!
И я здоров. А ежели и болен,
То — только тем,
 чем вся Земля больна.**

1968

●

Я чувствую,
 как волосы седеют,
Когда их жжет обида и тоска.
Они сначала
 тихо холодеют,
А после —
 умирают у виска.
Я, верно, в жизни
 что-нибудь да значу,
Найду себя —
 в грозе или в молве.
Но разве я
 по волосам заплачу,
Когда не плачу я
 о голове!

1972

УДАЧА

Человеку

 удача такая нужна —
Чтоб, костями хрустя, разогнулась спина,
Чтоб поверил он в силы свои до конца,
Ощутил в себе сердце — сердце бойца,
Грудью воздуха полную меру глотнул
И вокруг озаренно взглянул.
Лишь тогда ему истина станет ясна —
Что удача ему
 ежедневно нужна,
Потому что родилось в нем
 новое что-то,
Необходимое для полета,
И особое свойство в себе он открыл:
Сходство давнее рук человеческих и крыл.

1958

ПРОГУЛКА ПО КАМЕ

Сергею Смирнову

Хмельны и здоровы пока мы,
Что сбудется с нами — не в счет!
По Каме, по Каме, по Каме
Веселый плывет пароход.

И женщина тихо смеется,
Но дело не только в вине —
У нас незакатное солнце
Танцует на каждой волне!

И солнце стоит за штурвалом
У кромки речной синевы,
Где мы привечаем Уралом
Хороших людей из Москвы.

Не чахлые летние дачи —
От ветра гудит окоём!
А пристань все дальше
и дальше,
А мы все плывем и плывем...

Зачем же мне мостик над бездной
К тому отблеставшему дню,
Который я так бесполезно
В себе, постаревшем, храню?

Молиться? Упасть на колени,
Чтоб сызнава — грозы с тайги,
Чтоб рядом Василий Кулемин
Читал, задыхаясь, стихи.

И снова Евгений Поповкин,
Недобрым богам вопреки,
Нашел бы на счастье
подковку
Упавшей на травы реки...

Плыви ж, пароходик-уралец,
В таежные дебри,
в верха,
Чтоб сразу леса отзывались
На крик одинокий стиха!

Века иль мгновения длится
Серебряный этот полет?
Опять на знакомые лица
Тяжелая тень упадет.

**И вновь над волной златотканой
Ударит громовый раскат.**

Над Камой,

над Камой,

над Камой

Стремительно гаснет закат.

1968

ОТ НАС УХОДЯТ СТАРШИЕ

Памяти К. В. Рождественской

От нас
 уходят старшие,
безвременно почившие —
частицей нашей
 ставшие,
работать нас учившие.
Их сердце остановится,
а нам —
 трудней становится
без очень нежной
 хмурости,
без очень нужной
 мудрости.
И все-таки
 прислушайся:
Земля, как прежде,
 вертится.
В их светлое присутствие
мне почему-то
 верится.

Не верю
 слуху вздорному,
что вот — пришел конец.
Нет, просто сердце взорвано
на тысячи сердец,
и новые
 галактики
от взрыва образуются.
И это —
 в их характере,
в посмертной
 их разумности.
Что сделано —
 не рушится.
И крепнет
 в нас самих
честное содружество
мертвых и живых.

1968

У ПАМЯТНИКА БАЖОВУ

Он раздвинул железные скалы
И прислушался к думе лесов,
Чтобы падали в новые сказы
Самоцветы ликующих слов.

И цветок на таинственном камне,
Что невидимым был до поры,
Устилает тропу лепестками
Пред Хозяйкою Медной горы.

Он шаги ее легкие слышит,
Вьется ящерка, в скалах скользья...
Но сказитель
 о вечности пишет,
И ему обернуться нельзя.

1970

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ КУШТУМА

Редуют леса на Урале —
У рек,
 у озерной воды.
А мы-то себя уверяли,
Что долго еще до беды!

Лишь праха ничтожная щепоть
Да гиблая черная мгла,
Где птичий улыбчивый щебет,
Где песня лесная была,

Где с зеленью солнце смешалось,
Листовою на землю лилось,
Чтоб людям полегче дышалось,
А значит, полегче жилось.

Мы только на миг притихаем
У самой последней черты.
Уходим. И жить привыкаем
Без мягкой лесной доброты.

**Прощай же, зеленое чудо!
Все громче стучат топоры
И около камня Полюда,
И около Думной горы.**

**Земля еще терпит и кормит —
Мы старшие в общей семье.
Когда обнажаются корни,
Нам трудно стоять на земле!**

**К молчанью природы привыкнув,
Ты сам расстоянье проверь
От нынешних скорых прибытков
До будущих долгих потерь.**

**И все, что мы так потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса.
Редеют леса на Урале...
Да если бы только леса!**

1972

АФАНАСИЙ МАТРОСОВ

У камских
 все тех же откосов,
Где жил ты,
 сердясь и любя,
Поэт Афанасий Матросов,
Мне скучно теперь без тебя.
Ты гаснешь,
 как дальнее эхо,
Меж нами,
 живыми людьми.
Вот —
 нет одного человека,
А стало безлюдней в Перми!
Но нынче и мертвым не спится.
Не кончился день трудовой.
Пусть нету в живых
 баснописца,
Для нас он —
 как прежде,
 живой:

Веселый,
душа нараспашку.
А в ней —
ни корысти, ни зла...
Поденщицей
в многотиражку
Работать поэзия шла.
Газета с размаху кидала
В мир,
полный надежд и забот:
На шахты и стройки Урала,
На Горьковский автозавод...
Но жизнь не давала отсрочки,
Ей новая песня нужна.
Желтеют газетные строчки.
Иные идут имена.
И чье-то бессилие глухо
Забьется у края стола:
Поэзия,
злая присуха,
Куда ж ты меня завела?
Но —
бей в барабан и не бойся!
Ведь что-то в поэзии есть,
Коль бывшего молотобойца
Взяла она строить и месть.

И с ним
 не в бирюльки играла —
Всю жизнь без остатка брала,
По топям и высям Урала
От строчки до строчки вела.

И, значит,
 у камских откосов,
Улыбкой встречаясь с людьми,
Идет
 Афанасий Матросов —
Невыбывший житель Перми.

1972

БУКИРЕВ

Случай, в общем, не редкий...
В дни победной весны
Подполковником ректор
Возвратился с войны.

Виды видывал многие,
Смерти в очи глядел.
А его биология
Там была не у дел.

И, уставший от маршей,
Смертный выстрадав путь,
Был он в чем-то домашний
И не страшный ничуть.

Не ученым умением,
Просто — верен себе,
Быть умел
 провидением
В чьей-то трудной судьбе.

Проникая при случае
В драмкружок и в спортзал,
В нас он самое лучшее
Нам самим показал.

Вроде просто бы: выучил
И дипломы вручил.
А на деле-то — выручил,
Верить в жизнь научил.

Обращался ли, трогая,
К сердцу или к уму —
Тут его биология
Помогала ему...

Но война не забылась,
А по-прежнему жгла.
В нем самом затаилась
И однажды — нашла.

Люди твердость хранили.
Хорошо хоронили
После в общем-то честных
И гражданственных слов —
Кавалера отечественных
И иных орденов.

И поставил пред выбором новых,
военных профессий.

Ваша юность — другая.

И в песнях другие слова.

И меж нами иные не видят

ни капельки сходства.

Но мы в жизнь вашу входим

по честному праву родства.

Или, если хотите,

по строгим правам первородства.

Ах, какие дожди над осенней Россией опять!

Тихо падают капли

с ветвей наклоненной березы.

Словно плачет над нами Россия,

как старая мать,—

Столько лет все не выплачет

те материнские слезы...

МАТЬ И СЫН

Сколько ни прожито, да счастье нажито!

Зайдет соседка в пуховом платочке:

— Петровна, милая, снова вяжете?

— Носочки!

— Кому!

— Да ему, сыночку...

Сын у мальчишек за полководца.

Весь день на улице, а как умается,

Вбежит с мороза, в коленки ткнется:

— Мама, а мы играли в чапаевцев!

— Ну вот и ладно. Надень, Сереженька,

Надень носки, чтоб не мерзли ноженьки!

Десять лет в одночасье прожито.

Пойдешь на почту и скажешь попутчице:

— Посылку отправить хочу!

Сережа-то

В городе, на инженера учится.

Недавно писал: «Отметки отличные,

Обо мне не тревожься, все это зряшное...»

А в посылке — коржики, варенье клубничное,

Сережино любимое, домашнее.

И носки шерстяные:

— Носи, Сереженька,
Носи, родной, чтоб не мерзли ноженки...
Сама их сыну в рюкзак положила,
Сама и на фронт его проводила.
В носках материнских тепло ему было,
Да пуля проклятая с ног повалила.
А сына убили —
И ноги остыли.

Мелькают в руках проворные спицы.

— Петровна, светает, а вы все вяжете.
Наверно, носочки?

— Да просто не спится,
Кому их вязать-то мне — тоже скажете...

А самой кажется:

Подойдет неслышно, отнимет пряжу,
Шею вдруг обовьет рука его.

В глаза бессонные глянет и скажет:

— Мама, не нужно!

Мама, какая вы...

Годы отмечены

Новыми встречами.

Стали глазами сына синие воды озерные.

Стали бровями сына тучи на небе черные.

Стало ясное солнце его теплом и любовью.

Стала ранняя зорька улыбкой его сыновьей,
А зорька разбудит,

пойдешь на поля —

В каждой росинке,
На каждой травинке —
Его кровинка,
Твоя кровинка, Петровна!

Он жив,

Покуда живет земля,

Родная,

любимая,

кровная —

Кровью лучших сынов освященная,
Сердцем всех матерей защищенная.

МОЛОДЫЕ СОЛДАТЫ

Клятву выполнив свято,
годы, годы подряд
Молодые солдаты
в чистом поле лежат.
Смолкнул танковый скрежет,
и вокруг тишина.
А для них, как и прежде,
полыхает война.
И солдаты остались
в этой огненной мгле,
Навсегда окопались в родимой земле...
Встаньте,
Гляньте же снова на простор голубой!
Ведь Победа давно вам
протрубила отбой.
Бродит брага в бочонках,
набухает зерно.
Дома в отчей сторонке
ждет вас хлеб и вино.
Ждет осенняя пажить,
кузня в дальнем селе.

Но свинцовая тяжесть
придавила к земле.
...Журавлиные стаи
да небес синева.
Из костей прорастает
молодая трава,
И в ржаной позолоте,
и в пыльце полевой —
Вы встаете,
встаете
для жизни живой.
Вот как крепко сродниться
вы с землею смогли!—
Сами стали частицей
нашей русской земли...

1955

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

В. Астафьеву

А ведь было когда-то...

было когда-то...

**На рассвете пожары поднимали солдата,
И металась в казармах боевая тревога,
И кричал, надрываясь, старшина у порога,
И вставала земля рубежом раскаленным,
Черной оспой воронок на поле зеленом.
И казалось солдату: не время любить!
Мы вернемся еще, может быть... может быть...**

А ведь было когда-то, когда-то было...

Ах, как эта девчонка солдата любила!

Как бежала в халатике

через двор госпитальный,

Не страшась ни насмешки,

ни шуточки сальной.

**Он ногами чугунными еле вышел из строя
И стоял рядом с нею, медицинской сестрою,
И молчал, недоступен многоглазой обиде,**

ПЕРМСКИЕ БОГИ

В муках правду искали,
В тщетной жажде добра
На острожном Урале
Пермяки-мастера.

Их резные изделия
Не сулили покой —
Жили боги из дерева
Черной жизнью людской.

Сквозь елси медовые,
Сквозь молитвенный гул
Бог кричал,
 замордованный,
Как охотник-вогул.

Не кора,
 а короста
На плечах
 от плетей —
Только дух непокорства
Полыхал из очей.

**Мир живой и объемный
К богу плоских икон,
Как язычник исконный,
Не пошел на поклон.**

**Вывозила кривая
Сквозь столетний туман.
И богов укрывали,
Словно беглых крестьян.**

**И хлестали Исуca
По мужицким бокам.
Ибо правда искусства
Это — вызов богам!**

1971

Этот праздник бы — на народ,
Потому что любовь и удаль
В каждом сердце сейчас живет.
Не хитрил художник

по-лысьи,

А работал,

упрям и смел.

И плавильные печи Лысьвы
Он в соавторы взять сумел.
Так идет

в глубине России

Тихий поиск и долгий труд.

Ну а после —

придут другие,

Поухватистее придут.

...В мастерской

картина стояла,

И сквозь будничную пыльцу

Каждой краской

она пылала.

И струились огни Урала

У художника по лицу.

●

Владимиру Черненко

Когда дожди, по окнам моросая,
Рыдают так, что сам бы разрыдался.
Ко мне стихи приходят, как друзья,
С которыми я долго не видался.

Но общей темы сразу не найдешь,
От прежней дружбы пахнет мавзолеем.
Слова, слова...— Ну, как, старик, живешь?
— Да вот, живу! — Стареем, друг, стареем!

Стихи, как гости, словно начеку,
Строка строке неслышно что-то шепчет:
— Давайте выпьем...— Может быть, чайку?
— Чайку — пожалуй. Но смотри, не крепче!

О вы, мои непьющие стихи!
Я ждал от вас совсем, совсем иного.
Вы что-то подозрительно тихи,
Как родственники в комнате больного.

**Я вас понять сегодня не могу.
Да что вы, позабыли в самом деле,
Как мы по бездорожью шли в тайгу
И у костров в обнимочку сидели?**

**Ах, болен я? На это мне плевать!
Ведь мы подвластны не домашним бурям.
Еще мы будем женщин целовать,
Еще не раз, друзья, набедокурим!**

**Что, дождь прошел? Откройте же окно!
Садитесь-ка! Вот стул, вот подоконник.
И к черту чай, мы будем пить вино.
И не жалейте — я вам не покойник.**

1976

О. Селянкину

Зачем ты, Кама, добрая река,
Лаская травы и леса Урала,
Опять ко мне пришла издалека
И чистоту в истоках набирала?
Стань для меня дорогою живой,
О том, что мной не сделано, напомни.
Глаза мои наполни синевой,
А жизнь мою —

движением наполни!

Но это все — почти самообман,
Мы стали рассудительней и старше.
Над Камою, над берегом — туман,
А из тумана выплывают баржи...
Откуда же у нас такая прыть —
Всю эту даль обнять несатым оком
И, позабыв про дом,
всё дальше плыть,
К верховьям Камы —
Как к своим истокам.

1976

Я — С УРАЛА

Как в сон, как в омут, падал я в Москву,
Она с меня провинцию стирала.

А на вопрос привычный —

где живу? —

Я отвечал, что родиной с Урала.

Да так ли это важно,

где живешь?

Но мне вниманье выказать старались

Не потому,

что чем-то был хорош,

А просто потому,

что я — уралец.

Была Москва щедра и широка.

При мне с какой-то непонятной лаской

Одни припоминали Ермака,

Другие —

корпус танковый уральский.

Мы, люди, все немножечко родня,

Будь из Калуги ты,

будь из Казани.

И не было причины на меня

ЧЕРДЫНЬ ВЕЛИКАЯ

Чердынь,
Чердынь Великая,
Чем же ты велика?
Дремлет,
 старчески всхлипывая,
Колва-река.
В дреме той иль в бессоннице
Время мечется вспять.
Под копытами конницы
Камни вопят.
Разгулялись ушкуйники!
Рать вогульскую гнут.
Соболиные шкурки,
Как женщину, мнут.
По становищу рыскают,
Ткнув кистень за кушак.
Государю российскому
Будет добрый ясак!
Время древнее, гулкое,
Не меня ль ты зовешь?
Лучше стрелы вогульские,

Чем в приказе правез!
Кровью руки омоются.
Но, крестом осеня,
Стефан Пермский помолится
В тишине за меня.
Очи вороном выпиты.
И ни зги в темноте.
Буквы русские выбиты
На скорбной плите,
И плывет с облаками
Звон в четыре струи.
И дома белокаменны,
Как кости мои.

Этой ночью в гостинице
Я заснуть не смогу.
Лес на Чердынь не двинется —
Чердынь двинет в тайгу!
Сдвинут парни российские
Годы,
 горы,
 миры —
Словно пули трассирующие,
Вдоль по трассе костры!
Здесь с лесным заточением

Свыклась

Колва-река.

Тихо моет течением

Камни, кости, века...

Но, отбросив подробности,

Я из прошлого рвусь.

Трудно слились народности

В Великую Русь!

1968

СОЛИКАМСКИЙ СКАЗ

К нам пришедший
из русской древности,
Как тревожный былинный сказ,
В камской,
вечно живой напевности
Открывается Соликамск.
И встает за лесами синими,
Навсегда полюбить веля,
Эта злая,
соленая,
ссылная
Твердокаменная земля!
Русь рубежная,
как ты выжила?
Сколько раз,
сколько раз, дотла,
До последней избушки
выжжена,
Ты под стук топоров росла!
Здесь от крови твоей
и пота

Солоны,
 солоны ручьи...
 Но хранила тебя
 работа
 Понадежнее,
 чем мечи!
 Соликамск,
 ты моя частица,
 Что века без меня жила.
 Отглядели твои бойницы,
 Отзвенели колокола.
 Пусть же в русло одно
 сливаются
 У любимой моей реки
 И заводы,
 и солеварницы,
 И соборы,
 и рудники —
 Здесь такое
 сейчас наметилось,
 Что подхватит еще
 молва!..
 На Урале сильна
 наследственность,
 И упорства,
 и мастерства.

Прикоснись же
судьбою к Родине,
Все проверь —
и любовь, и боль —
Там,
где, словно на старой робе,
На земле
проступает соль!

1972

ЧЕХОВ НА КАМЕ

Река бурлила недовольной плотью,
Плевалась в проплывавшие плоты.
На встречной барке лоцмана лохмотья
Вопили о всевластье нищеты.

Вода была коричневой от глины,
Весенний ветер сыростью пропах.
Еще белели снежные плешины
На голых — тоже нищих — берегах.

Но коль Урал в своей безгласой шири
Еще богоспасаем и хвалим,
То что там, за «воротами Сибири»?
И где твое начало, Сахалин?

А с крутизны собор глядел с опаской,
Насторожив свои колокола,
На Каму,
 что бурлацкой опояской
У города торгового легла.

**Не развиднялось. Мелкий дождик крапал.
А человек, начало всех начал,
С кулями соли пробегал по трапам
И, кажется, дождя не замечал.**

**И открывалась пристальному глазу
Реки непокоренная краса.
И уж не дождь, а чистые алмазы
На Чехова роняли небеса!**

1976

Трактом дрожки тряслись с имений,
С мясоеда — за балом бал.
Обольстительный дух пельменей
Над дворами Перми витал.

И, предчувствуя сытый отдых,
На перины, как на насест,
Пермь влекла своих жен дородных
И грудастых своих невест...

Но с восходом
 на мировую,
Багровея, не шел закат,
И ложились на мостовую
Тени будущих баррикад.

То, изведав любое лихо,
Смутно грезил про Пятый год
Отгороженный Егошихой
Мотовилихинский завод.

1968

СИБИРСКИЙ ТРАКТ

(Монолог бунтаря)

Л. Давыдычеву

Дорога скорби,
Земных утрат —
Уралом горбясь,
Сибирский тракт.
И в снег, и в слякоть,
И в зной, и в дождь,
С кем хочешь сладить?
Куда ведешь?

Как арестанты,
В полосках вёрсты.
А ноги стянуты,
Цепями стерты.
Иду избитый,
Земля качается.
А тракт Сибирский
Всё не кончается...

* * *

Мы добудем свободу!
Есть же горю предел?

Ведь недаром народу
Радищев радел!
Снег предутренный, чистый
Нынче выпал чуть свет...
А на нем — декабристы
Оставили след.
Где рябиновы гроздья
За чертой городской —
Полоса

от полозьев
Возка Трубецкой!

.

Против силищи царской
Шли мы все же не зря.
В красный цвет,
по-бунтарски
Полыхает заря!

1976

УТРО 4 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА

...А ночь прошла.
Гроза отликовала.
Отбушевала,
как в разлив река,
Та встреча у Финляндского вокзала,
Где говорил он
речь с броневика.
И на рассвете сумрачной столицы
Был этот путь
особенно тяжел:
На Волковское кладбище
проститься
Сын к матери пришел.
Пришел
с такую молчаливой болью,
Когда в словах
не высказать всего,—
На позднее свидание
с любовью,
Всю жизнь светившей
только для него.

А снегом пахло так свежо и горько,
Что кажется:

 лишь обернись назад —
И встретишь вновь
 на пристани Стокгольма
Последний в жизни
 материнский взгляд.

Закрой глаза — воспоминанья всплыли,
Открой глаза — и нету ничего.

Его ссылали,
 гнали и травили,

А матери-то было какво!

И все-таки
 необратимой новью,

Невиданной,
 желанной для бойца,

Настанет день,
 где радости сыновьи

Врачуют материнские сердца.

Вставал апрель во всем своем сиянье.

По снегу полз голубоватый дым.

Но на могиле матери —
 молчанье.

И мы давайте тоже помолчим.

РЯБЧИКИ

(Чердынская быль)

Ешь ананасы, рябчиков жуй.
День твой последний приходит,
буржуй!

В. Маяковский

**Охрана персональная
явилась чуть свет:
— Гражданина Алина
доставить в Совет!
— Нет на вас погибели...—
седой, как песок,
вдыхает первой гильдии
уральский купец.
Его у порога,
быстрый, как пожар,
встречает Аппога,
уездный комиссар.
Очи, как буравчики,
насквозь пронзают гостя:
— У вас на складах рябчики,
запасы продовольствия!**

**По строгому приказу
к такой-то срочной дате
всю птицу буржуазную
Советской власти сдайте!**

**...Власть до купца недобрая,
И разве ей постичь:
самим царем едомая
чердынская дичь!
Вогулы да зыряны
обшаривали лес,
чтоб в Питер, в рестораны,
везли деликатес,—
на царские банкеты,
на их, монарший, суд...**

**— А в Питере дети
от голода мрут!**

**...Он не дурак, Аппога!
Ему соврать рискованно:
мол, вы побойтесь бога,
ведь все же конфисковано!
Ведут следы горячие
в болота, за омётики,
а там не только рябчики,
а там и пулеметики.**

Тогда себе надгробье
заказывай! Ишь,
как смотрит исподлобья
проклятый латыш!
На бровях подпалина,
морозные глаза...

Гражданина Алина
прошибла слеза:
— Прискорбна доля детская!
Что ж, сотворим добро...
(Известно, что купецкое
чувствительно нутро!)
Утро морозное
летит из-под копыт.
Утро полозьями
по снегу хрустит.
Дорожка завьюжена —
прольешь сто потов.—
В Усолье погружено
сто пудов —
мороженная птица,
осенняя, упитанная.
Лети, как говорится,
до самого
до Питера!

Смеются по-ребячьи
уральцы-продармейцы:
— Сгодятся детям рябчики,
коль хлеба не имеется!

Делясь пайками скудными,
когда и жмых — еда,
окаменели скулами
с бесхлебья города.

Дороги очерчены
пожарами в ночах —
уже к Перми и к Чердыни
идет Колчак,
чтоб шомпола горячие
свистели по селу,
чтоб подавались рябчики
к царскому столу.

Кровавая дорога
в Москву, как пуля, метится.
И комиссар Аппога
еще с той пулей встретится.
При свете солнца ясного
за Лысьвой, по весне
его поставят, связанного,
к высокой сосне,

**лихой поручик выстроит
карателей отряд...
И в сосняке от выстрела
рябчики
взлетят!**

1968

ИВАКИНСКИЙ КОНТОРЩИК

Еще ни льстивых доброхотов,
Ни криков яростных: — Ату!
В графе приходов и расходов
Не скоро подводить черту.

Вдали, в обугленной Европе,
Вовсю орудует война.
А здесь — рассвет над Камой,
копи,
А здесь — лесная тишина.

И только сосны вековые
За ним бредут сквозь ветровал.
Он молод.

Всё ему впервые:
Любовь, поэзия, Урал!

В Москве эстрада рожи корчит,
Являя гениев на свет.
А он — ивакинский конторщик —
Почти неведом как поэт.

Но жизнь подобная полезна!
Еще не дале чем вчера
Спас от призыва пол-уезда
Он смелым росчерком пера.

И все ж, Урал,
 из сердца вырви
Восторга истступленный крик,
Лесами Всеволодо-Вильвы
Ляг на листы конторских книг.

Ты сам и критик свой, и автор —
Твори, ораторствуй, гвозди
И, как обилие метафор,
На горы горы громозди!

Поэзия всегда подспудна,
Как под снегами звон ручья,
И пересудам неподсудна,
Поскольку собственность — ничья.

Ей делать человека гордым
И с возрастом не убывать.
А как в ту осень хлынуть горлом —
Еще с полвека
 убивать...

ЧЕРДЫНСКИЙ ВЕЧЕР

Тени черные, вечерние —
От зари наискосок.

Берег Колвы
 возле Чердыни

И обрывист, и высок.
За рекой леса зеленые,
Вместе с ними —

помолчи...

Солнце
 стрелами калеными

Мечет поздние лучи.

Здесь
 над белыми соборами

Птицы черные кружат,

Пять веков
 под косогорами

Люди русские лежат.

Не прибытком озабочена —

Для иного торжества

Собирала земли отчие

Дальновидная Москва...

Тишина такая хрусткая,
Словно льдинки по весне.
Старина такая русская,
Что она живет во мне.
Я того же роду-племени,
Что и те,
 под крутизной.
Холодит дыханье времени
Где-то рядом, за спиной.
Только музыка недалняя
Льется в сумерки,
 как свет.
Это школа музыкальная
Репетирует концерт.

1972

КАМСКИЙ МОСТ

В человеческой
 давней склонности
К городскому скопленью звезд
И в стремительной окрыленности
Начинается
 Камский мост.
Но в короткие те мгновения —
Прежде
 чем под колеса лечь —
Начинается мост
 с волнения
И с предчувствия скорых встреч.
Начинается
 сбор имущества,
Сувениров и пустяков...
Начинается мост
 из мужества
И из подвига пермяков.
Расскажи мне,
 пурга колючая,
Как от огненной той черты

Отступала
 контрреволюция
И рвала за собой мосты.
Пермяки
 на февральской Каме,
Обрываясь,
 кровавя лед,
Обмороженными руками
Поднимали
 стальной пролет!
Завершение дела славного —
Ликование кумача.
Вижу
 митинг
 и Ярославского
С телеграммою Ильича —
Ту дорогу одноклейную
Над разрушенным миром зла,
Что,
 как совесть людская,
 к Ленину
Весь Урал,
 всю Сибирь вела...
Только так —
 на ветру жестоком,

Только этим путем —
до звезд.

Встаньте,
люди!

Прильните к окнам:
Начинается
Камский мост!

1972

Летит,
 поколениям вслед,
Биенье конструкторской мысли,
Бессонница огненных лет.
Конструктор —
 не званье, не должность,
А жизнь Человека.
 И в ней —
Уральских моторов надежность,
Надежность
 рабочих людей.
В той жизни —
 в сраженье, в размахе —
Себя он до времени сжег.
И на генеральской папахе
Растаял
 уральский снежок...
Бессмертью подобного рода
Преграды
 и смерть не чинит —
Проходит цехами завода
Любимый
 его ученик,

ТОЙКИНСКИЕ ТРАКТОРА

В 1921 году в селе Тойкино Пермской области работал первый тракторный отряд американских интернационалистов.

**Ну что, казалось бы, решали
В невиданной борьбе миров
Затерянные на Урале
Шестнадцать этих тракторов!**

**И все-таки, горячим всплеском,
За тем оврагом, за бугром,
С утра гремел по перелескам
Неслыханный железный гром.**

**Навстречу новому рассвету
Он будоражил и будил.
Он слышен был на всю планету —
Врагу и другу слышен был.**

**Когда в разрухе,
 в горе лютом,
Деревня выбилась из сил,
За этим тракторным маршрутом
Ильич внимательно следил.**

**В ветрах Россия изрыдалась.
И все-таки волной тепла
К нам классовая солидарность
По большакам российским шла.**

**Все может в жизни примелькаться
За столько бурь, за столько лет.
Но трактора-американца
У нас остался добрый след.**

**И дышат мне в лицо озоном
Мои прикамские ветра.
И как гроза за горизонтом —
Те тойкинские трактора!**

1972

ПЕРМЬ

**Не жаркой зарей златотканой,
В лесах растопившей снега,
И даже не Камушкой-Камой
Мне древняя Пермь дорога.**

**Железная воля Урала,
Избрав не мольбу,
 а борьбу,
Здесь тысячи судеб сковала
В одну трудовую судьбу.**

**Чью боль материнскою лаской
Ты, Пермь, убаюкать могла?
Была ты и песней бурлацкой,
И долей рабочей была.**

**И улицы здесь не забыли
Еще с легендарных времен,
Как бился в «ворота Сибири»
Кандалный отчаянный звон.**

Решительный гул забастовок,
Полнеба в крови и в огне.
Зарницы великих маевок
В любом польхали окне.

Со всех городских перекрестков,
Где подвиг отцов не забыт,
На наших детей и подростков
История зорко глядит.

И в синих ночах Предуралья —
Недавнего пламени след,
И пахнет тайгою и сталью
Плывущий по Каме рассвет.

Лучей золотистая россыпь
Сквозь раннюю хмурую облаков,
И эта хозяйская поступь
Уральцев,
 моих земляков!

И радость свою,
 и невзгоды
Ты, Пермь, от меня не таи —
Прошел я и вешние воды,
И медные трубы твои.

КУВА ОСЕННЯЯ

Не плывут по Куве, чуть кивая, кувшинки,
Не вплетаются в волны

лучей паутинки.

И, как летом, с полей зацветающей ржи

Не летят по утрам над Кувою стрижи.

Берега, где тайга отступает в низины,

Красным градом

усыпали гроздья рябины.

Да плакучий ивняк, да березка иная

Выйдет на берег, ветки в Куву окуная.

Ты течешь — не течешь, ты жива иль мертва?

Мне за белым туманом не видно, Кува.

Только тот, кто назвал тебя мертвой, неправ,

Он не ведал твой буйный безудержный нрав.

В напоенные талыми водами вёсны

Ты несла, как пушинки, столетние сосны.

Далеко ты глядело, уральское взгорье,—

Через Камское море в Цимлянское море...

Кува — река в Коми-Пермяцком округе. В переводе на русский язык ее название означает «мертвая вода».

●

**В каждой сосенке сердцем узнан,
Расскажи мне, седой Урал,
Где,
 в какой богатырской кузне
Ты природу свою ковал?
Как ты выдумал эти горы,
Синим лесом покрытые сплошь?
Почему на заре в озера
Ты металл расплавленный льешь?
А за Камой в ночи недалней
Тяжкий молот все бьет и бьет.
Так ударит по наковальне —
Только звезды под небосвод!
Сталеваром будь
 иль поэтом —
Только жить тебе суждено
С этим пламенем,
 с этим светом,**

**С этой молнией заодно.
И в тебе
 найдет продолженье
И тайга, и речной простор,
И магнитное притяженье
Этих древних железных гор.**

1972

ПРОСЕКА К СОЛНЦУ

Я здесь, в лесах Урала,
Проникнутых безмолвьем и смолою.

Пабло Неруда

Лес был вокруг.
Был для грибов и ягод.
Для детского протяжного «ау!»,
Для нужд крестьянских и крестьянских тягот.
Был давней сказкой, зримой наяву.
Дичась,
Он к людям подошел и замер.
Он глухо выл в голодный зимний день
И яростными волчьими глазами
Глядел в хлева притихших деревень.
Морошка, да рябинки-сиротинки,
Да жухлый мох, да ветки до земли.
Звериные тропинки,
Как морщинки,
И вкривь и вкось леса пересекли.
Шел от болот гнилой и прелый запах.
Цвел иван-чай, стелился курослеп.

Держали ели

солнце

в цепких лапах:

Был даже полдень

Сумеречно слеп.

Тянуло гарью от лесного пала.

Лежал в ложбинах ноздреватый снег

В июне даже...

...И в леса Урала

На помощь солнцу

Вышел Человек.

Шел реками,

Студеными ключами,

В болотной тине по колена вяз,

В тайге деревья раздвигал плечами —

Сам о себе слагал былинный сказ.

Дороги строил.

Вел плоты по Каме.

И лес,

Почуя рук его размах,

Послушно становился кораблями,

домами

и огнем в домах...

Теперь,

Как только зорька занималась,

Она хорошим делом занималась.

ПРИЕХАЛИ ФИННЫ

Под утро —
слабенький
стук у дверей:
— К нам финны,
бабоньки!

Скорей
на рейд!
Шкафы все —
настежь,
летают платья.
— К лицу мне, Настя?
— О-ох, ладно, Катя!
А солнце — выше,
жжет
соком вишенным.

На берег вышли —
как шелком вышили,
березок краше,
цветов цветастей

Маруси,
Глаши
и Анастасьи.

Их видел в деле
речной простор.

— Ох,
что надели? —

кричит парторг.

— Эх, работа жаркая,
эх, оплата сдельная,
замочить

не жалко мне
туфельки модельные!

Выводят
бревенки —

с багром,
как с посохом,
в сапожках новеньких
идут,

как посуху,
глядят

невинно,
бровь
не прихмуривают.

В сторонке финны
стоят покуривают.

**Толк знают сами
в любом заломе —
не здесь,
на Каме,
а там,
в Суоми.
Стоят и сетуют,
покорены:
— Эх, нам бы этаких!
...Самим нужны!**

1962

В КОНТОРЕ ВЫДАЮТ ЗАРПЛАТУ

**В час желанной полочки
У окошечка в ряд,
Приодевшись получше,
Лесорубы стоят.**

**На крылечке махоркой
Подымят, помолчат.
За дощатой заборкой
Тихо счета стучат.**

**Справедливости ради,
Не без важных причин
Самой лучшей бригаде
Уступают почин.**

**Парни — двадцать от силы.
А подходит черед —
По призыву кассира
Выступают вперед.**

За бессонные ночи,
За рабочие дни
Нынче деньги, как почесть,
Принимают они.

Все наряды проверят —
Получать, так сполна!
А поодаль у двери
Ждет кого-то жена,

Кто-то горестно ахнет:
— Всё, теперь не уйдешь...
А что деньги не пахнут,
Это — черная ложь!

Кто в лесу не работал,
Лишь тому невдомек,
Что и солнцем, и потом
Пахнет летний денек.

Сосны в желтых накрапах,
Пахнут дымом костры.
А на плотбище — запах
Отсыревшей коры.

ОДНОРУКИЙ ПЕЧНИК

Махры не просыпав ни крошки,
Он ловко сигарку свернул.

— А ну,
 поработай немножко! —
Андрюшке, меньшому, кивнул.

У сына отцовская хватка,
Такой же раздумчивый взгляд,
По-мастерски держит лопатку,
Ровняет, как в ниточку, ряд.

Но, чувствуя важность событий,
Дыханье отца за спиной,
Он хвастает:

 — Батя, смотрите,
Как вы, я умею... одной!

«Рука у тебя золотая»,—
Отцу говорят мужики.
Эх, как же ему не хватает
Зарытой под Ржевом руки!

**В мозолях, из мяса и кожи,
Живую — еще бы одну!
Чтоб в клубе похлопать в ладоши,
Обнять, да покрепче, жену.
...Щекою к шинели припала,
Смеялась, ревела ревмя...**

**— Ты вот что, Андрюша,— не балуй.
Работать сподручней
двумя!**

1958

ПЕРВЫЙ ПОКЛОН

Старинный плат немного тронут молюю,
Повязанный до седеньких бровей.

— Васильевна, куда?

— На богомолье!

Звала соседка, я уж вместе с ней...

Вслед маленькой и сухонькой старушке

Я посмотрел, неволью поражен:

В ее убогой, чистой комнатушке

Не видел ни лампадок, ни икон.

Хлопочущей в дому еще с рассвета

И в год ни разу не крестившей лба,

Ей прозвище не подходило это:

Смиренная господняя раба!

Вдове солдата, матери солдата,

Какую ей замаливать вину?

За мужа, что погиб еще в двадцатом,

За сына, что — в последнюю войну?..

Неслышная,

в руках весь дом держала,

Не жалуясь на трудное житье.

**Белье стирала, внуков обшивала —
Тех, что теперь не помнят про нее.
Все — грамотеи. А за год — ни строчки,
Жива она, здорова ли, больна.
Легко забыть, что родились в сорочке,
Что ту сорочку**

сшила им она!

**Она сейчас впервой поклон положит,
Покорный, истовый, до самой до земли...
Что из того, что бог ей не поможет?
Мы, люди, тоже ей не помогли!**

1957

У СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ

Молчаливо

и чуть растерянно,
словно что-то оставил тут,
я стою

у высокого терема,
где учительницы живут.
Нет ни сада, ни огородика,
ни пуховых перин про запас —
только ласковый смех

да родинка
у застенчивых добрых глаз.

Ходу нет

в это царство девичье
деревенской густой тоске.

То ль по-детски,

то ль по-студенчески
здесь живут себе налегке,
лишь на жаркие споры жадные,
семь Аленушек —

вроде семьи...

До свидания,

милые жаворонки,
горожаночки вы мои!

Вам спасибо

за песни до вечера,
за ночные стихи в тишине,
за ночлег,

до обиды доверчиво
рядом с вами предложенный мне.

И пускай, зеленея от зависти,
бабы строгие вас корят,
и что нету у вас

хозяйственности,
сыновьям своим говорят,—
здесь вам жить да жить
не стареючи,
не сгорать в осенних кострах.

Мимо окон

Иваны-царевичи
проезжают на тракторах.

И не надо им

огородика
и приданого в сундуке —
лишь бы ласковый смех

да родинка
на прильнувшей к груди щеке.

ТРАКТОРИСТКА

Девчонкою испуганной и тоненькой
Она была, когда ее портрет
Я увидал впервые в кинохронике
Тех памятных послевоенных лет.

Тогда в селе невесты не невестились
И русской обескровленной земли
Мужицкие тревоги и профессии
Безропотные женщины несли.

Ее в то время выдвигали, видимо.
И вот, попав однажды в колею,
Она, еще робея, шла в президиум
И для газет давала интервью.

Чья голова от славы не закружится?
Она ж совсем девчонкою была.
А после — неудачное замужество,
Бессрочные домашние дела.

— Эй, делегатка! — муж гогочет, тешится.—
Слетай за водкой... Сала, што ль, поджарь!

Не для нее
 пред выступленьем тезисы
Теперь писал партийный секретарь.

Она сроднилась с бедностью,
 как с гордостью.

И так, по той утопанной стезе,
Прошли года. И списан за негодностью
Друг молодости — трактор ХТЗ.

Но как-то раз весною у околицы,
Когда прохожих ливень гнал в жилье,
Мне встретились две ясноглазых школьницы,
Две возрожденных юности ее.

Как листья,
 липли к телу платья влажные.

Но, видно, все им было нипочем!
Они с землею этой были связаны
Рождением, детством, радугой, дождем.

Ну, а земля дымилась, плодородная.
И жизнь бродила в каждом стебельке.
И первый гром, как слава всенародная,
Опять искал кого-то вдалеке.

В КЛУБЕ СЕГОДНЯ ТАНЦЫ

Отставлены стулья в сторонку.
И первой, раздвинув подруг,
В дешевеньких клипсах девчонка
Влетает в раздавшийся круг.

И охнул баян в изумленье,
Ожег поселковых ребят.
Одни на нее с восхищеньем,
Другие — с насмешкой глядят.

Она же от множества взоров
Застыла, смутилась на миг
И бросилась в пляску, как в прорубь,
И тоненько вскрикнула: — И-их!

Повадкой на лебедь походит,
Всей юною статью берет.
То с вызовом грудью поводит,
То вдруг озорно подмигнет.

Мол, как же он бросил такую?
Ведь вот она я — на виду.

Ославил? Так я же танцую.
Оставил? Другого найду.

Девчонка все кружит и кружит,
Платочком махнет голубым:
Мол, кто из нас, миленький, хуже —
Мы это еще поглядим!

Парней разжигает припевкой,
А взгляд и лукав, и лучист.
— Вот девка! Ведь черт, а не девка! —
Бывалый твердит баянист.

И щеки красны, как с мороза.
И горяшка нет ни о ком.
И что она —
 пот или слезы —
С лица утирает платком?

**Шутили: — Эх и работенка!
Дает парнишка за двоих!
Потом притихшего ребенка
Взял на руки один из них.**

**Ребенок спал под стук колесный
И до поры не понимал,
Что на него, как старый крестный,
В окно поглядывал Урал —**

**Вдыхал, в огнях мартенов грелся
И ранним небом голубел.
И голубой вагон на рельсах
Качался, словно колыбель.**

1964

Тихий трепет газели,
Детский очерк лица.
Каждым жестом в «Жизели»
Ты взрывала сердца.

В сто биноклей расстрелянной,
Я шепчу: — Оживи!
Сделай шаг от потерянной
До бессмертной любви.

Может, это от бога —
Дух, тростинка, лоза...
В ложе у педагога
Чуть влажнеют глаза.

Здесь бы жить и остаться,
Где ликует мечта,
Где возвышенность танца
И его чистота.

Ухожу я отсюда,
Блещут молнии вслед...
Здравствуй, русское чудо,
Здравствуй, Пермский балет!

1976

●

Есть дома-нелюдимы,
Никем не любимы.
Там на песню — запреты.
Там калитки, как щели.
Там читают газеты
Вечерами кашеи.

Упиваются слухами —
Как на льдинку становятся.
Там невесты старухами
В одночасье становятся.

И глядятся, немея,
В чьи-то очи холодные.
Только слышно, как змеи
Шипят подколенные.

В этом мертвом затишье
Все надежно упрячут.
То ли дождик по крыше,
То ли женщина плачет?

1963

ЛАТВИЯ

Хари Хейслеру

Если горе, сердце лапая,
Гасит каждую зарю,
— Есть еще на свете Латвия! —
Я тихонько говорю.
Там под солнцем — море синее,
И в прекрасном свете дня
Люди гордые и сильные
Встанут около меня.
И, уйдя от прежней участи,
Как бы ни была горька,
Поплыву себе в певучести
Моря, ветра, языка...
И тогда, примерно к осени,
Я забуду все, что знал.
Может, только в дюнах сосенки
Мне напомнят про Урал.
Гонят парус ветры властные,
А куда еще — бог весть...
Как давно я не был в Латвии!
Но она на свете есть.

1976

Зое

**В угаре полупьяного скандала,
Под стук стаканов и гитары звон,
Здесь только песня что-то ожидала,
Как девушка, попавшая в полон.**

**Она звала в край солнечный и синий.
Но, ошалев от водки и тоски,
Ее полосовали матерщиной,
Как плетью, захмелевшие дружки.**

**И, обходя компанию такую,
Роняли люди добрые слова:
«Ишь, парень-то по-прежнему тоскует!
Видать, душа не пропита — жива...»**

**Но этого участия было мало,
И песня никла, плача и грубя.
Ей многого для счастья не хватало —
Простора, звезд...**

А главное — тебя!

**И ты пришла, красива, как невеста.
Недоуменным взглядом обожгла.
Сказала песне: — Здесь тебе не место!
И за руку на волю увела.**

**С работы парня вечером встречало
Лицо родное в крапинках дождя...
И песня, словно мускулы, крепчала,
Свою дорогу в жизни находя.**

1972

МОЙ РАЗГОВОР С ПРОФЕССОРОМ

Б. Гринблату

Я, пожалуй, весной
запретил бы экзамены.
Я пришел бы к профессору
и попросил: — Отложите!
Вы поймите:
черемуха в белом неистовом пламени —
В личной жизни студентов —
одно из немалых событий!
Согласитесь, профессор,
что, в общем, довольно невесело
Перелистывать книги,
конспекты свои,
Если рядом в саду,
как студент за неделю до сессии,
Повторяют ночами
программу свою соловьи.
Неужели же сердце
у вас сединой заморозило?

Вы прислушайтесь к песне —
 ей тесно в стенах общежитий,
На весеннее небо,
 на майскую робкую прозелень —
Посмотрите на все это
 и отложите!
...Встанет с кресла профессор
 и, книжные полки минуя,
Выйдет, тростью стуча,
 на залитое солнцем крыльцо.
А забытая молодость
 вдруг подберется вплотную
И заглянет в лицо.
С головой непокрытой
 он будет стоять, седовласый,
Озираясь вокруг
 из-под строгих опущенных век,
И задумчиво скажет:
 — Не вижу больших разногласий
Меж природой
 и жизнью людей, молодой человек!
А весна отзовется
 в груди его сердцебиеньем,
Светлой памятью встреч
 и пройденных когда-то дорог.

**И на тополе юном
профессор неловким движеньем
Осторожно расправит
пряматый зеленый листок.
Он пройдет по аллее
спокойно и неторопливо,
Там, где яблони цвет свой
роняют на буйном ветру,
И негромко заметит:
— Да, все это очень красиво,
Но ведь эта поэзия —
самый настойчивый труд.
Но ведь разве весна —
только миг быстротечный цветенья?
Зрелость спелых плодов —
вот минувшей весны торжество!
Ну, а молодость...
Ваше пред ней восхищенье
Мне понятно, мой друг.
Я всю жизнь разделяю его!**

1953

УРАЛОЧКА

Под утро пала изморозь
На улицы села.
Березовая изгородь
От инея бела.

За Камой дымка вьюжится
Прозрачно и легко.
Поблескивают лужицы
Сиреневым ледком.

А по весенней наледи,
Помедлив у ворот,
Нарядная, как на люди,
Уралочка идет.

Высокие ботиночки,
Шагает налегке —
Родная до родиночки
На беленькой щеке.

**Со мной почти что рядышком
Вздохнула и прошла
И лишь задела краешком
Сердечного тепла.**

**Но разве мало этого?
На то и есть она —
С морозными рассветами
Уральская весна!**

1962

У КОЛОДЦА

Набирает девушка воду у колодца,
На меня глядит и весело смеется,
А из полных ведер струйка наземь льется...

Девушка, не смейся! Этак не годится.
Я и попросил бы у тебя водицы,
Да об этом часто в песнях говорится.

Я и подошел бы, хоть мы незнакомы,
И помог бы ведра донести до дому,
Да дорога к дому мне теперь — к другому.

Что, коль нас другая девушка увидит,
Дверь свою захлопнет и ко мне не выйдет?

1955

**И, больше не боясь огласки,
Всем давним недругам назло
Вы вдруг засветитесь, как в сказке,
Так нестерпимо, так светло,**

**Что с вами — в пламя, без оглядки,
Хотя б на миг, на малый срок...
Лишь у ручья в лесном распадке
Звенит хрустальный башмачок!**

1964

●

Теперь мне кажется чудом,
Что ты, отложив дела,
Назло любим пересудам
Часами меня ждала.

Скорей уйти за ограду
Спешила на тихий стук,
Забыв про косые взгляды
Любимых твоих подруг.

Над нами в июньской дали,
Сердясь, ворчала гроза.
Мы только туда шагали,
Куда глядели глаза.

И нам невдомек, что вечно
Они выдавали нас
Всем встречным и поперечным
В саду, на пляже заречном,
У театральных касс.

**И вот обо всем, что было,
Всему, что было, назло
Ты говоришь:**

— Забыла!

Ты говоришь:

— Прошло!

**А я забывать не буду,
Забыть и тебе не дам.
Пусть всё это было чудо.
Но я его видел. Сам.**

1954

ПИСЬМО

Осень мокрыми ветками
к окнам притворенным клонится,
Застучит по стеклу,
а согласишь — не видно ни зги.
Снова дождь на дворе.
Он привычен мне стал, как бессонница,
Как тоска по тебе,
хоть беги от нее не беги.
В сутках двадцать четыре часа.
Никакого сомнения —
Все они сговорились
и медленно сводят с ума.
Есть же счастье на свете!
В почтовом любом отделении
Многим людям дают его
в виде письма.
Только ты все не пишешь,
и можно дойти до отчаянья.
Мне все чаще мерещится
всякая дикая чушь.
Что угодно, что хочешь,
но лишь не тупое молчание —

Осторожность трусливых,
весны не изведавших душ!
Ты была не такая.
Упрямая, злая, капризная,
Может быть, легкомысленна,
может быть, просто — легка,
Но ты светом весенним,
ты солнцем горячим пронизана,
От волос и до тапочек
мне бесконечно близка.
Только ты не подумай,
что буду я счастье вымалывать.
Просто к горлу подходит
какая-то горькая злость.
Значит, сам виноват.
Значит, жгучее марево
Мне увидеть еще раз
в нелегком пути довелось...
Начинает светать.
В сизой дымке деревья и здания.
Я навстречу рассвету
свое раскрываю окно.
Скоро солнце взойдет.
Дорогая моя, до свидания —
Я уверен, что все-таки,
все-таки будет оно!

Это главное зло, что красивая ты.
Никому не тепло от твоей красоты.
Не любя, не скорбя от обид и остуд,
Ты проносишь себя, как хрустальный сосуд.
Тонко льдинки звенят посредине зимы.
Каждый ласковый взгляд — под проценты,
взаимы.
Никому — не жена, никому — не сестра,
Ни во тьму — окрыленность костра.

* * *

Не таились, не каялись,
А сказали: — Прощай!
Хорошо, что отмаялись,
Да и где этот май?
Только — в беленькой веточке
На ветру за окном.
Только — в горестной весточке
О счастье твоём.

1967

СТИХИ О ПРИМИРЕНИИ

Пришла и мне сказала: — Здравствуй!
И словно не было разлуки.
И молоды, как прежде, страсти,
Нежны, как прежде, речь и руки.

Как будто бы, уйдя к другому,
Любовь невзгодами училась
И вот сейчас, вернувшись к дому,
Твердит: — Я просто отлучилась...

* * *

А он? Что, разве он не жив?
Ну, не в любви — хотя бы в злости.
Иль, разрешенья не спросив,
Он в жизнь твою вошел, как в гости?

Что ж, этого не будет вновь.
Пусть на коленях молят: — Сжался!
Себя жалея, когда любовь
Впускаешь, словно постояльца.

* * *

Открылась дверь. Да, да, входи!
Здесь те же стены и привычки.
Войди, квартиру огляди.
Курить? Вот папиросы, спички.

Уюта нет в моем дому.
Вот — почернела печь от дыма...
Ах, нет! Совсем не потому
Ты здесь была необходима!

* * *

Прощенье... В ком же нет вины?
И в чем оно — в движенье, в слове?
Те дни, что были так черны,
Перечеркнем — не надо крови!

Как будто нас живой водой
Вдруг напоили из колодца.
И то, что звали мы бедой,
Лишь давней болью отзовется...

1955

АПРЕЛЬСКИЕ СТИХИ

Я без тебя живу не наяву,
А как мальчишка в ожиданье сказки.
На весь Урал зову тебя, зову —
Аукается где-то в Соликамске.
Легки разлуки — встречи нележки,
Мы просто ждем чего-то по-апрельски...
Но ты уехала.

И от моей тоски
На сотни верст гудят и гнутся рельсы!

* * *

О, эта глупая чувствительность!
Ведь били, кажется, а все ж
Опять, как мальчик, за действительность
Я принял ласковую ложь,
Когда по горочке покатою
Ты шла в придуманные сны.
И ландыш — лгал как провокатор
Еще бунтующей весны...

1968

●

Я люблю эти звезды
 за то, что их видишь ты.
Я люблю этот воздух
 за то, что им дышишь ты.
Я люблю эти песни
 за то, что их слышишь ты.
И цветы я люблю,
 потому что их любишь ты.
Я стыжусь за сердца,
 что позорно блуждают во мгле
И мешают нам
 радостно
 жить и любить на Земле.
Видеть это теперь
 тяжелее мне стало в сто крат,—
Словно именно я
 пред тобою
 за все виноват!

1956

ОДИН ДЕНЬ

Постой, еще не всё я досказал!
Ты знаешь, для чего нужны глаза?

Воскресный день. А между тем с утра
Осенний дождик льет как из ведра.
Грязь на дворе. На желтых листьях слизь.
На тротуарах лужи растеклись.
Смеркается часов уже с пяти.
И думать не о чем. И некуда пойти.
Ты на тахте притихла, точно мышь.
Отбросив книжку, злишься и молчишь.

О, как же нам сейчас глаза нужны,
Чтоб видеть синь и прозелень весны!
...Уносят вдаль ревущие ручьи
Жестянки, мусор, щепки и лучи.
Плывет кораблик под ребячий свист,
Проклюнулся новорожденный лист.
Прогрохотала и ушла гроза.
И солнце вышло. Солнце бьет в глаза!..
Я — фантазер? А ты не видишь, да?

**Что ж, день пройдет.
Но жить-то ведь года!**

**Нет, подожди, дослушай до конца.
Скажи мне, что ты знаешь про сердца?
Воскресный день. Я в парк пришел с утра.
Вокруг меня лопочет детвора.
Прочел газету и ушел сосед.
Сижу и жду. Тебя все нет и нет.
И сердце я, взъерошенный и злой,
Нарисовал,
 pronzenное стрелой.**

**Мальчишество? Да нет, плохи дела!
Кровь сразу по рубашке потекла,
Из раны хлещет. Весь пиджак промок.
Хотел подняться, крикнуть — и не смог.
И лоб, и руки холоднее льда.
Не доктора — тебя скорей сюда!**

**То — день один.
А как прожить года?**

1952

НА ВОКЗАЛЕ

Плавню тронулся с места скорый,
И на стыках стучит состав,
Добрым басом у семафора
В утешенье пророкотав.

На платформе тележку грузят,
Где-то песню поют вразброд,
Снова женщина в синей блузе
Мокрой тряпкою стекла трет.

Словно все еще из окошка
Мне косынкою машешь ты,
Та же девочка в босоножках
Продает по рублю цветы.

А по строгому распорядку,
Зная каждой минуте счет,
Объявляют уже посадку
На состав, похожий на тот.

**И мне кажется поневоле
Блеск чужих напряженных глаз
Отраженьем все той же боли,
Что недавно пронзила нас...**

1952

О РАЗЛУКЕ

Я стал годами старше, сердцем строже,
Но так же дума о тебе ясна.
Мне, как и прежде, весен всех дороже
Короткая уральская весна —
Огни судов, бегущие по Каме,
Весенний гул встревоженной воды
И на тропинке, врезанные в память,
Твои едва приметные следы.
Наверно, было нам необходимо
Навек запомнить эти вечера,
Пологий берег и полоску дыма
От позднего рыбацкого костра...
Но и теперь нам та весна укажет
К счастливой встрече верные пути.
Я в это верю. А иначе как же
Разлуку смог бы я перенести?

1965

●

Дине

И вдруг поймешь, что боль уже утихла,
Увидишь под окном снежочек рыхлый,
Поля в сугробах, перелесок синий
И на ветвях берез мохнатый иней.
Легко дышать и любо жить на свете,
Скользить на лыжах к дремлющей реке.
Снежинки тихо тают на щеке.
Как хорошо сегодня: снег да ветер!
И мне не жаль, что где-то там, далече,
Твоя рука лежит в чужой руке..
Ты — как лесок, что мне попал навстречу
И вот уж чуть темнеет вдалеке.

1953

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК

У нее родился ребенок,

Мальчик.

Здоровый и громкоголосый.

Еще безбровый и безволосый.

Он растет и крепнет день ото дня.

Соседки восхищаются:

— Как пригож!

И на другого,

не на меня,

Этот ребенок похож.

Чужой разрез чуть раскосых глаз.

Чужой подбородок,

чужие уши.

Ночью

его пронзительный бас

Не мной,

а счастливым отцом подслушан.

Из чего он создан?

Из звездной пыли,

СВИДАНИЕ

Так что же молчу я?
От боли молчу.
Мне трудно — кричать заставляет она.
Из губ твоих пламя испить я хочу.
Из глаз твоих — вычерпать сказку до дна.
Я глух, как глухарь, лишь начавший ток.
Я словно олень, поломавший рог.
А ты поправляешь волос завиток
И шепчешь:
 — Пойдем, ты уже продрог...
И ты покидаешь темный подъезд,
Ушко замерзшее теребя.
Уходишь в мир женихов и невест,
С нетерпением ждущий тебя.
И зов замерзает на зимнем льду.
Следы застигает морозный дым...
Ну что же, иди,
Я тебя найду —
Хотя бы вот этим стихом своим!

1972

●

Я становлюсь беднее с каждым днем,
И, как бедняк,

я от всего зависим:

От колоса, примятого дождем,

От голоса,

От глаз твоих и писем.

Да, я с тобой

счастливей был стократ,

Ты жизнь легко и просто понимала:

Чуть небо хмурилось —

ты насылала град,

А ветер дул —

ты бурю поднимала.

1964

**О девушки с бровями соболиными,
Не смейтесь вы над нашими сединами.
Они бывают разными, седины,
Они бывают грозными, седины,—
Как пена пред грозой в студеном море.
Седины часто наживают в горе.**

**О девушки с бровями соболиными,
Не бегайте за нашими сединами.
Не очень-то надейтесь на седины,
Они бывают лживыми, седины,—
Так мгла корабль обманывает в море...
Не все седины наживают в горе.**

1976

— Вы к кому? — женский голос спросил.—
Вы к кому?

— Это я! — он сказал. —

Я вернулся, жена.

Долго дома я не был,

Но чья тут вина?

Я вернулся, жена...

Тишина...

Тишина...

Лишь березка дрожала листвою у окна.

А в окне, как и прежде, была темнота.

И сказала ему темнота неспроста:

— Я жена, да не та.

И березка не та.

Гасла в небе над ним за звездой звезда,

Осыпаясь на землю осколками льда.

И увидел он сам,

Что попал не туда,

Все чужое вокруг — вот какая беда!

Все чужое вокруг —

Вот какая беда!

И земля расступилась под ним, как вода.

И глаза его стали осколками льда.

**Только в сердце чуть слышно мерцала звезда,
Заставляя идти —
Неизвестно куда.**

**Так о чем же он думал, чудак человек?
Ведь и сам он не знал:
Год прошел или век?
Для него — целый год,
Для жены — целый век,
Так случается часто в космический век!
И ушел
Неизвестно куда
Человек.**

1967

●

Ждали —
 к лучшему все переменится,
А друг друга не знали ничуть:
Переможется, мол,
 перемелется,
Образуется как-нибудь!
Так и жили,
 пока были молоды,
В каждой ссоре вина не себя.
Поглядели —
 ан все перемолото:
И любовь, и судьба, и семья.

1966

СТИХИ О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

**Я в этом доме — просто гость,
гость у своей жены.
Кипела медленная злость
под видом тишины.
Хоть ты молчи, хоть ты кричи —
ни ночи нет, ни дня.
Глядели круглые зрачки
куда-то сквозь меня.
А я прозрачным быть не мог
и даже — не хотел.
Но все ж ложился на порог
и под ногой хрустел.
Она рядила вкривь и вкось,
всему была судья.
А ночью, как собаке кость,
бросала мне себя...
Я словно бы в тяжелом сне,
И не поднять руки...
И всё по мне, и всё по мне
шагают каблуки.**

1966

СТИХИ О СЫНЕ

Сереее

За разливами лет,
За разливами рек
Жил со мной
семилетний родной человек.

Он со мной говорил — я его понимал.
Я его на руках высоко поднимал.
Только вот приключилась какая беда:
Я его уронил.

Насовсем.

Навсегда.

Тот же город.
И улиц — десяток всего.
Но всю жизнь мне идти —
не дойти до него.

Одного не могу я понять до конца:
Почему я — живой,
а мой сын — без отца?

**Не смотри ж, упрекая меня и моля,
Малый сын мой,
Сережа,
кровинка моя!**

**Ни себя не кляню,
Ни тебя не зову.
А с оторванным сердцем
вот так и живу.**

●

По частям любовь воровали,
Из тебя — меня вырывали:
Слух, нелепица, злое слово —
Вовсе не было, мол,

такого!

Были в праве своем и в силе —
Солнце маленькое гасили.
Из намерений

самых лучших

Прочно прятали каждый лучик.
Дверь чужая. На ней — замок,
Чтоб я видеть тебя не мог.
Вот и спрашивай между строчек:
Ты звенишь еще,
ручеечек?

1966

РОДНЫЕ

Как хорошо, что есть на свете люди,
Которые, с рожденья зная нас,
За неудачу горько не осудят
И радость с нами делят в добрый час.
На огонек или на чашку чаю
Однажды в год зайдешь на пять минут —
Тебя всегда с любовью привечают
И запросто по имени зовут.
Про жизнь, здоровье справятся сердечно,
И хороши ль, плохи твои дела —
Ты все для них тот мальчуган потешный,
Что сделал шаг от стула до стола.
И ты уйдешь, той ласкою отмечен,
Не так, по правде, ею дорожа.
А через год узнаешь вновь при встрече,
Что вырос и, пожалуй, возмужал.
И в той любви, простой и немудрящей,
Всегда ты юн — хоть до волос седых.
Вы заходите к ним, друзья, почаще:
Ведь с каждым годом меньше, меньше их...

1958

ОРЕХИ

Он приходил под вечер, в сумерки,
Шепча, что надо в земотдел.
И, в городской измаян сутолоке,
Неслышно в кухоньке сидел.

Нам было скучно с ним, молчальником,
На нас взиравшим со скамьи,—
С отцом отца, родоначальником
Мужицкой пахотной семьи.

Да и какими там науками,
Не знавший, как букварь листать,
В беседе с городскими внуками
Он мог бы, в сущности, блистать?

И все-таки мы свыклись вскорости
И подружились.

Но как раз
От дружбы с дедом, как от хворости,
Тогда оберегали нас.

Он был для всех не то что ворогом,
Но им никто не дорожил.
И бывший мельник — нынче вороном
Над судьбами семьи кружил.

Но были испытанья горшими,
Когда, прощаясь в ранний час,
Орехи добрыми пригоршнями
Он щедро доставал для нас.
И все же — рады ли, не рады ли —
Под взглядом сумрачным отца
Мы пятились. Орехи падали,
Стуча по лесенкам крыльца.
...Изба под крышею соломенной,
Где я мальчишкой не играл,
Где дед — с ногой, прикладом сломанной, —
Три дня при немцах умирал.
Гуляет ветер под застрехами.
Орешник — вот, всего в версте.
Пойдешь с братишкой за орехами,
Да все — не те... Да все не те!

1964

●

Я жить хочу
в годах пятидесятых.
Хочу бродить,
как в утренних садах,
В тех позабытых,
временем распятых,
И все же —
вечно молодых годах,
Когда я жил взахлеб,
и днем и ночью,
Ощупывая жизни новизну.
И все вокруг
сквозило этой новью
И мартовским намеком на весну.
И вся земля
так зримо и упрямо
Кружилась на весеннем сквозняке...
А я был молод.
И живая мама
Меня встречала в тихом городке.

1972

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Снова дороги легли между нами
Ширью лесов, синевой морей.
Это неправда, не верь, что с годами
Мы забываем своих матерей!

Сыну всегда ты спешила на помощь —
Там, где никто бы другой не помог.
Даже в ненастье, в дождливую полночь
Вижу в окошке твоём огонек.

Как я хочу на тебя наглядеться!
Солнышком ясным мне сердце согрей —
Рядом с тобою не старится детство
Взрослых, далеких твоих сыновей.

Мама, прости мне, что доля земная
Для матерей до сих пор нелегка...
Ты подожди меня, мама родная,
Ты не гаси своего огонька.

1966

25 ЯНВАРЯ 1967 ГОДА

Вот и все. И теперь

не приехать к тебе, не согреться

У родного огня, у спасавшего в стужу костра.

Стало тихо вокруг.

Только слышно биение сердца,

Да, уткнувшись в плечо мое,

старшая плачет сестра.

Мама, с каждым мгновеньем

ты дальше и дальше от сына,

И теперь я ничем опечалить тебя не смогу...

Только след у подъезда:

проехала автомашина,

И по следу — еловые ветки на белом снегу.

1967

●

**Без мамы я жить не умею,
Но черную яму — насыть...
Как в сказке, по грудь каменею,
И трудно мне камень носить.**

**Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня.**

1967

Земля передо мною виновата,
Любая —
 в солнце, в радуге, в дыму...
И что сулят кровавые закаты,
Неведомо сегодня никому.
А притворялась:
 зеленью светила,
Пыталась ветром ласковым обнять.
Но только для того меня растила,
Чтоб самое любимое отнять.
Не злаку здесь расти,
 а злomu зелью,
Истоку сумасшедшего огня.
И плачу я.
 И спрашиваю землю:
Зачем взяла ты
 маму
 у меня?

1967

Сквозь березы

светло и знакомо

Вновь глядит на меня рассвет.

Все — как прежде.

И только дома,

Материнского дома нет.

Нет пристанища в людном мире,

Где не судят,

а просто ждут.

И в знакомой твоей квартире

Незнакомые люди живут.

Я ловлю

этот блеск мгновенный

Молодого земного дня,

Но от звезд и планет Вселенной

Тянет холодом

на меня.

И Земля бы

давно застыла

Зимней птицею на лету,

Если б только не сохранила

Материнскую доброту.

●

**Сентябрьским утром выйди посмотри:
Стоит березка, над рекой склоненная,
И затаенной лаской изнутри
Вся светится, как девушка влюбленная.
В тяжелых тучах запад и восток,
И так жесток
Сквозной осенний ветер.
А у нее — еще любой листок
Живет воспоминаньями о лете.**

1957

МЕТЕЛЬ

Метут метели исстари,
Метут со всех сторон.
Идут метели издали,
Из пушкинских времен.

Они чисты и праведны,
Как боль земных утрат.
В метелях с нами прадеды
По-русски говорят!

Не просто заметь мерзлая,
Ревущая во мгле,
Не просто зависть мертвая
К живущим на земле —

Кричит из белой вечности,
Из звездной мерзлоты
Тоска по человечности
Огня и теплоты!

И вот ко мне доносится
В метельном декабре

Если на полях пшеница зрела,
Если город рос в лесу глухом,
То своим считал я кровным делом
Каждый колос, каждый новый дом.
Даже там, где я ни разу не был,
Все — родное мне.

И я хочу,
Чтоб была под нашим мирным небом
Мне любая радость по плечу.
Я хочу дождя полям зеленым,
Быстроглазых внуков — старикам,
Доброго согласия — влюбленным,
Хлеба — пашням,
лова — рыбакам.

Всем, кто счастлив,
я товарищ тоже,
Потому что все-таки не зря
Мною день на белом свете прожит,
День,
а не листок календаря!
...Под ногой хрустит сухая ветка,
С озера ползет белесый дым.

**Я, пожалуй, помнил слишком редко,
Что бывает день еще таким:
С ветром, пробежавшим по березам,
С ночевой у лесника в избе,
С молодым предутренным морозом,
С думою о счастье
и тебе...**

1953

ТВОРЧЕСТВО

Еще нам не одно выигрывать сраженье,
Но цель уже близка.
В величии побед,
В размахе наших дел
Есть творчества горенье,
Есть яркий в полный рост Грядущего портрет.

Пусть труд не завершен. Но смело на портрете
Уверенная кисть художника кладет
Талантливый мазок — один, другой и третий...
Труд будет завершен, когда творит народ.

1976

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Давыдычев. Доброе сердце поэта.</i>	5
О Владимире Радкевиче	5
«Молодость сочтя за преимущество...»	18
Россия	19
Под звездами	21
Исход	23
«Я чувствую, как волосы седеют...»	24
Удача	25
Прогулка по Каме	26
От нас уходят старшие	29
У памятника Бажову	31
Памяти Николая Куштума	32
Афанасий Магросов	34
Букирев	37
Студенты 41-го года	40
Мать и сын	42
Баллада о банке варенья	45
Молодые солдаты	47
Поздняя встреча	49
Пермские боги	51
Калюпановские эмали	53
«Когда дожди, по окнам морося...»	55
«Зачем ты, Кама, добрая река...»	57
Я — с Урала	58
«Вечно Каме по жизни народа струиться...»	61
Чердынь Великая	62
Соликамский сказ	65
Из прошлого	68
Чехов на Каме	69
Старая Пермь	71
Сибирский тракт	73

Утро 4 апреля 1917 года	75
Рябчики	77
Ивакинский конторщик	82
Чердынский вечер	84
Камский мост	86
Небо Швецова	89
Тойкинские трактора	93
Пермь	95
Кува осенняя	98
«В каждой сосенке сердцем узнан...»	99
Просека к солнцу	101
Приехали финны	104
В конторе выдают зарплату	107
Однорукий печник	109
Первый поклон	111
У сельских учительниц	113
Трактористка	115
В клубе сегодня танцы	117
В утренней электричке	119
Пермский балет	121
«Есть дома-нелюдимы...»	123
Латвия	124
«В угаре полупьяного скандала...»	125
Мой разговор с профессором	127
Уралочка	130
У колодца	132
Осинки	133
«Теперь мне кажется чудом...»	135
Письмо	137
«Это главное зло, что красивая ты...»	139
«Очевидно, наступает вечер...»	140
Стихи о примирении	141
«Ты кому улыбки раздавала?..»	143

Апрельские стихи	144
«Я люблю эти звезды...»	145
Один день	146
На вокзале	148
О разлуке	150
«И вдруг поймешь, что боль уже утихла...»	151
Чужой ребенок	152
Свидание	155
«Я становлюсь беднее с каждым днем...»	156
«Я у тебя не первый, не последний...»	157
«О девушки с бровями соболиными...»	158
«Зачем же так непоправимо...»	159
Баллада о родном доме	160
«Ждали — к лучшему все переменится...»	163
Стихи о семейной жизни	164
Стихи о сыне	165
«По частям любовь воровали...»	167
«Для сына я — сильнее всех на свете...»	168
Родные	169
Орехи	170
«И все-таки мы в смерть родных не верим...»	172
«Я жить хочу в годах пятидесятих...»	173
Письмо к матери	174
25 января 1967 года	175
«Без мамы я жить не умею...»	176
«Земля передо мною виновата...»	177
«Сквозь березы светло и знакомо...»	178
«Сентябрьским утром выйди посмотри...»	180
Метель	181
Разговор о счастье	183
«В наш век чернить поэзию не смейте...»	186
«Какой-то буйный дар утрачен...»	187
Творчество	188

Владимир Ильич Радкевич

ИЗБРАННОЕ

Художник В. Кадочников
Редактор Н. Гашева
Художественный редактор Н. Горбунов
Технический редактор В. Чувашов
Корректоры Г. Борсук,
И. Пархомовская

ИБ № 114

Сдано в набор 20. X. 1976 г. Подписано в печать 6. I. 1977 г. Формат бум. иллюстр. 120 гр. 60×108¹/₃₂. Бум. л. 3,0; печ. л. 6,0; усл. печ. л. 7,20; уч. изд. л. 4,866. ЛБ02000. Тираж 20 000 экз. Цена в ледерне 94 коп., в коленкоре 90 коп. Темплан 1977 г. Изд. № 26. Зак. 8870. Пермское книжное издательство. 614000, Пермь, ул. К. Маркса, 30. Типография издательства «Звезда». Пермь, ул. Дружбы, 34.

Радкевич В. И.

Р15 Избранное. Пермь, Кн. изд-во, 1977.
188 с.
Сборник стихотворений.

Р 70402—12
М152(03)—77 26—77

Р2

90 коп.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1977